

И.И. Евлампиев

Идея империи в русском общественно-политическом сознании XIX-XX веков: от Третьего Рима к Третьему Интернационалу

В русской общественно-политической мысли XIX-XX веков понятие империи использовалось не только в узком политическом смысле, но и в широком смысле, как обозначение универсальной модели общественного устройства, имеющего целью объединение всего человечества и направление истории в правильное русло. В этом случае очень важно правильно определить тот основной принцип, который обеспечивает единство человечества. На протяжении многих веков в качестве такого принципа рассматривалась только религия. Именно это лежало в основании идеи Москвы как «третьего Рима», с которой началось самостоятельное развитие русской общественно-политической мысли и становление концепции исторического предназначения России, которую стали обозначать термином «русская идея». Эта тенденция оставалась влиятельной и в философии XIX века, наиболее наглядно ее выразили Ф. Тютчев и Вл. Соловьев; «теократическая утопия» Соловьева является наиболее известным, философски проработанным вариантом такого понимания идеи империи. Однако история показывает, что религиозные верования чрезвычайно различны и не демонстрируют тенденции к сближению и тем более синтезу, поэтому возможность единства человечества исключительно на религиозном основании, особенно если иметь в виду традиционное понимание религий, оказывается сомнительной.

Развитие либеральной цивилизации в XIX-XX веках привело к выдвиганию на первый план в общественном развитии и в представлении о единстве человечества экономики. К концу XX века фактически сформировалась Американская империя, основанная на этом принципе и охватывающая большую часть мира (при этом не имеющая явного политического выражения). Невозможно говорить, что эта империя основана только на экономическом факторе, не деле гораздо более важным является идеологический фактор (собственно идеология западного либерализма), без которого не могло быть и экономического единства. Этот идеологический фактор не так уж сильно отличается от религиозного основания старых, традиционных империй.

В конце 1890-х годов Вл. Соловьев написал для энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона статью «Всемирная монархия», в которой дал необычное обоснование идее грядущей всемирной империи: в качестве такого основания он указывает не религию, а высокую культуру (собственно, европейскую культуру). Эта мысль противоречит его теократической утопии, поскольку традиционные формы религии (особенно в их церковно-догматическом выражении) в целом враждебны высокой культуре. В этой статье Соловьев выражает не столько свои убеждения, сколько важнейшую тенденцию всей русской философии той эпохи, связанную с философским мировоззрением Ф. Достоевского и основанную на восприятии историософской концепции И. Фихте, который называл будущее единое человечество «империей культуры». Такое обоснование идеи империи также не лишено религиозного основания: культура становится абсолютной ценностью, когда мы признаем главным религиозным объектом самого человека, а божественной сущностью (собственно говоря, «Богом») — творческое начало в человеке. Но именно такая интерпретация христианства была характерна для главной линии развития русской философии, поэтому и идея «империи культуры» является наиболее характерной и значимой для русской мысли. В этом случае исчезает проблема несовместимости религиозных верований: как показывает история, в каждой великой религии в конце концов появлялась неортодоксальная, «гностическая» версия, в которой акцент переносился с трансцендентного Бога на человека и его божественную сущность (это собственно гностическая версия христианства, определившая развитие русской религиозной философии, каббала в иудаизме, суфизм в исламе). Эти неортодоксальные версии религий очень хорошо согласуются друг с другом и вполне допускают синтез в форме окончательной, абсолютной религии человечества. Точно так же и высокая культура является универсальным полем абсолютных

смыслов, которые понятны для любого национального сознания и способны осуществить синтез этих сознаний.

Развитие революционного движения и коммунистической идеологии, завершившееся победой большевистской революции, можно понять как выражение в предельно упрощенной и рационализированной форме той же самой неортодоксальной религиозности, ставящей в центр человека. Долгий и трудный процесс раскрытия в человеке божественного, творческого начала, преобразующего мир через духовную культуру, подменяется здесь представлением о внешнем, научно-техническом могуществе человека и о чисто материальном преобразовании мира. Связь коммунистической, большевистской идеологии с неортодоксальной, гностической русской религиозностью очень хорошо показал Н. Бердяев в книге «Истоки и смысл русского коммунизма».

История самой известной (своего рода «образцовой» для европейской традиции) Римской империи показывает, что в лучшие периоды своего существования она приближалась к плодотворной модели «империи культуры». Российская империя в некоторые моменты своего развития также была близка к этой модели; если Россия снова сможет осуществить ее, это и будет окончательным и исторически значимым воплощением «русской идеи».